

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 79–84.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 3. P. 79–84.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-79-84

О ГЕНЕЗИСЕ «ГРАЖДАНИНА КАНТОНА УРИ»



Александр Алексеевич Данилевский

Таллинский университет, Таллин, Эстония,

xandr.danilevskij@gmail.com



Аннотация. В статье эксплицируются процесс и принципы моделирования Достоевским предельно антиномичного образа Ставрогина. Антиномичность конструируется, во-первых, посредством помещения относительно традиционного персонажа в новаторскую структуру «идеологического» «романа-трагедии», во-вторых — за счет укоренения образа этого псевдоидеолога (денационализированного «беспочвенника», обосновавшегося в «надысторичной» и «беспамятной» Швейцарии) в национальной литературной традиции (генетическая связь «Бесов» с «Ревизором», а Ставрогина, соответственно, — с Хлестаковым).



Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», Ставрогин, гоголевская традиция, Хлестаков, Швейцария



Ссылка для цитирования: Данилевский А. А. О генезисе «гражданина кантона Ури» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 79–84. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-79-84>.

© Данилевский А. А., 2021

To the 200th Anniversary of F. M. Dostoevsky

ABOUT THE GENESIS OF “A CITIZEN OF THE CANTON OF URI”

Alexander A. Danilevsky

The University of Tallinn, Tallinn, Estonia,
xandr.danilevskij@gmail.com



Abstract. The article explicates the process and principles of Dostoevsky’s modeling of the extremely antinomic image of Stavrogin. This antinomicity is constructed, firstly, by placing a relatively traditional character in the innovative structure of the “ideological” “tragedy novel”, and secondly, by rooting the image of this pseudo-ideologist (a denationalized “groundless”, who settled in “supra-historical” and “forgetful” Switzerland) in the national literary tradition (the genetic connection of “Demons” with “The Inspector”, and Stavrogin, respectively, with Khlestakov).



Keywords: Dostoevsky, “Demons”, Stavrogin, Gogol’s tradition, Khlestakov, Switzerland



For citation: Danilevsky, A.A. (2021) ‘About the Genesis of “a Citizen of the Canton of Uri”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(3), pp. 79–84. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-79-84.

Завершая свое исследование «Достоевский и Швейцария», К. Степанян подытожил: «<...> можно сказать: Швейцария для Достоевского — это место, наиболее волнующее душу и разум мыслями о земном рае и возможностях его достижения, и одновременно это символ многовекового заблуждения людей, самостоятельно решивших, что они добры и свободны настолько, чтобы построить этот рай (для себя или для многих) своими силами» [Степанян, 2007, с. 120].

Наряду с данным выводом исходной для наших дальнейших рассуждений послужила сентенция из романа «Заговор» (1926) М. А. Алданова — внимательного читателя и интерпретатора творчества и личности Достоевского, представившего в романе «Истоки» (1943–1946) любопытный, но довольно не презентабельный портрет великого писателя. Сентенцию эту, обращаясь к будущим убийцам императора Павла, высказывает в «Заговоре» Пьер Ламот (своего рода «Вечный жид» и алдановское alter ego):

Ведь во Франции, в Англии, в России, с их войнами, завоеваниями, переворотами, люди живут, наверное, много хуже, чем в какой-нибудь «свободной Швейцарии», у которой и истории-то ровно на медный грош? А между тем вы, конечно, отказались бы сделать из России Швейцарию. Да и сами швейцарцы, когда были свободны (если когда-либо были), наверное, стыдились своего тихого благополучия. Маленькие народы всегда выдумывают себе бурную историю. Нет хуже вралей, чем провинциальные Плутархи.

[Алданов, 1991, с. 44]

Иными словами, в русском интеллигентском (писательском) сознании конца XIX — начала XX века Швейцария представлялась страной без истории и, соответственно, без памяти.

Актуализируя указанные аспекты «швейцарскости», Достоевский и моделирует образ Ставрогина. В этой связи прежде всего отметим, что исследователи творчества Достоевского уже не раз обращали внимание на противоречивость образа «гражданина кантона Ури». В 1914 году внимательный читатель и вдумчивый аналитик «Бесов» выделил две взаимоисключающие ипостаси, в которых Ставрогин явлен в романе:

Николай Ставрогин — красавец, аристократ, гордый, безмерно сильный, «Иван Царевич» <...>; все ждут от него чего-то необыкновенного и великого, все женщины в него влюблены, лицо его — прекрасная маска, он весь загадка и тайна, <...> всё вращается вокруг него <...>. И тот же Ставрогин — человек потухший, мертвенный, бессильный творить и жить, совершенно импотентный в чувствах, ничего уже не желающий <...>, неспособный любить женщину, равнодушный ко всем идеям, блазированный и истощенный до гибели всего человеческого, <...> почти неспособный к членораздельной речи.

[Бердяев, 1914, с. 80]

А вот высказывание по этому же поводу Ю. Н. Тынянова: Ставрогин — «это игра на пустом месте. Все герои “Бесов” твердят: “Ставрогин! О, Ставрогин — это нечто замечательное!” И так до конца; и до самого конца — больше ничего» [цит. по: Гинзбург, 1987, с. 163].

Чем обусловлено такое построение образа Ставрогина? Ответ на этот вопрос следует искать в истории создания романа. Со слов самого Достоевского известно, что первоначально «Бесы» были задуманы как сатирический отклик на политическую злобу дня и что в центре произведения должна была стоять фигура «мошенника» и политического честолюбца сродни «прославившему-

ся» вскоре после начала работы над «Бесами» Нечаеву. Так возник первоначальный образ Верховенского, который, однако, не удовлетворил писателя и был отвергнут, — в первую очередь по причине слишком заметного сходства героя с гоголевским Хлестаковым. Одновременно перестал удовлетворять автора и замысел произведения в целом: задуманный как роман-памфлет на современную российскую действительность, он постепенно перерос в замысел романа идеологического, исследующего бытование идей в среде межличностного общения и их воздействие на общественное сознание и практику. Это потребовало от Достоевского смены главного героя: место, прежде занимаемое Верховенским, занял Ставрогин, а Верховенский был оттеснен на периферию романного действия. Однако, работая над новой редакцией произведения, автор не смог или *не захотел* полностью избавиться этот образ от черт сходства с гоголевским героем. Они сохранились, но приобрели новое качество: «хлестаковщина» Верховенского в окончательном варианте «Бесов» — уже не качество его характера, а старательно культивируемая им разновидность политической мимикрии, позволяющей ему осуществлять свои преступные намерения. «Хлестаковщина» переросла в идею революционного вождя как Самозванца.

А что же Ставрогин? Помещенный в центр романа, унаследовавший в его структуре место прежнего Верховенского, он попал в зону «генетической памяти» (ср. с «памятью жанра» М. М. Бахтина) образа-предшественника, унаследовав в первую очередь его генетическую связь с «Ревизором»¹.

Но, разумеется, Ставрогин — не Хлестаков. При трансформации первоначального замысла в план создания идеологического романа сюжет «Бесов» превратился в историю зарождения и гибели некоего комплекса умозрительных идей, претендующего и на аподиктичность, и испытания его с точки зрения «реальной жизни». В центре «истории» — высокотрагедийный образ носителя этих идей — «беспочвенного» интеллектуала-индивидуалиста, призванного собственной судьбой показать порочность выстраданных им головных идей и обусловленных ими поступков. Развенчанию идей служит такой важный компонент образно-композиционной структуры идеологического романа, как «обрастание» центрального персонажа «двойниками» — эманациями его духа

¹ Вспомним и сравним: растревоженное слухами о грозящих бедствиях и заранее готовое преклониться перед сильной властью провинциальное общество принимает приехавшего в город человека, внутренне пустого, за «власть имеющего», а затем восторженно поклоняется созданному им же фантому; сам «рукотворный кумир», не вполне осознающий смысл создавшейся ситуации, ведет себя «натурально», «как обычно», что, однако, лишь усиливает ажиотаж вокруг него; и только уход невольного «самозванца» со сцены и прочтение его письма (не адресованного обществу) открывают возможность понять его сущность, — такова инвариантная сюжетная схема гоголевской комедии и романа «Бесы».

(Бердяев), репрезентантами какой-либо одной из сложного и взаимосвязанного комплекса его идей, к тому же представляющими эти идеи в опошленном, «сниженном» виде. Сталкиваясь с главным героем и справедливо указывая ему на известное сходство его и своих убеждений, эти персонажи настойчиво требуют от героя признания полного «родства» их душ, не подозревая, что черта их сходства — лишь одна грань сложного и многогранного духовного мира основного персонажа (ср.: Раскольников и Свидригайлов; Раскольников и Лужин и т. п.). Подобного рода претензии, имеющие целью обретение некоей власти над ним, с брезгливостью отвергаются героем. Сходное положение вещей и в «Бесах»: вокруг личности Ставрогина образуется некий «миф», из которого всяк волен выбирать — и выбирает! — только то, что отвечает его собственным внутренним потребностям, но не то, что составляет целостную суть самого Ставрогина (Ставрогин и Верховенский; Ставрогин и Шатов; он же и Кириллов, Хромоножка, Лиза и т. д.). Он же встречает все эти домогательства с искренне презрительным недоумением. Одна из основных ролей, навязываемых главному герою «Бесов» младшим Верховенским, — роль «Ивана Царевича» — Самозванца будущего Бунта.

Сказанное дает основание заключить, что образ Ставрогина — во всей его антиномичности — обусловлен гетерономной природой самого текста: главный конфликт произведения, ранее смоделированный Достоевским по образу и подобию «Ревизора», вписан им в уникальную структуру идеологического романа, — «хлестаковский», укорененный в национальной традиции генотип «беспочвенного» «гражданина кантона Ури» реализуется в рамках иноприродного образно-композиционного построения.

Список источников

- Алданов М. А. Заговор // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 2. 544 с.
- Бердяев Н. Ставрогин // Русская мысль. 1914. Кн. 5. С. 80–89.
- Гинзбург Л. Литература в поисках реальности. Л.: Советский писатель, Ленинградское отд-ние, 1987. 397 с.
- Степанян К. А. Достоевский и Швейцария // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. XVIII. С. 113–122.

References

- Aldanov, M.A. (1991) 'Zagovor' ['Conspiracy'], in Aldanov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. Tom 2* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 2]. Moscow: Pravda Publ.
- Berdyayev, N. (1914) 'Stavrogin', *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 35(5), pp. 80–89.

Ginzburg, L. (1987) *Literatura v poiskakh real'nosti* [*Literature in Search of Reality*]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., Leningradskoe otdelenie.

Stepanyan, K.A. (2007) 'Dostoevskii i Shveysariya' ['Dostoevsky and Switzerland'], *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of History, Philology, Culture*], XVIII, pp. 113–122.

Информация об авторе: А. А. Данилевский — доктор философии (PhD) Тартуского университета по русской литературе, научный сотрудник Института гуманитарных наук Таллиннского университета. Адрес: Эстонская Республика, 10120, г. Таллин, шоссе Нарва, д. 25.

Information about the author: A. A. Danilevsky — PhD, University of Tartu, Slavic studies, Researcher at the Institute of Humanities, University of Tallinn. Address: 25 Narva mnt, Tallinn, 10120, Republic of Estonia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.07.2021;
одобрена после рецензирования 12.08.2021;
принята к публикации 15.08.2021.

The article was submitted 03.07.2021;
approved after reviewing 12.08.2021;
accepted for publication 15.08.2021.